

Чернышева А. В.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ "КУЛЬТУРА" И "ЦИВИЛИЗАЦИЯ": СОВРЕМЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/110.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 243-246. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ности, вопрос о смерти «Другого» решает по-своему.

Если в предшествующей философской традиции категория «Другой» (смерть Другого) является доминирующей и сюжетообразующей, то в работе Владимира Янкелевича «Смерть» она как будто отсутствует. На место «Другой» автор исследования ставит «Смерть в первом лице», «Смерть во втором лице», «Смерть в третьем лице». По сути дела, он не разводит «я» и «другой», в его работе нет концепта «Смерть Другого» как это было, скажем, в работе Камю, Сартра. «Знакомство со смертью является «узнаванием», как платоновский «анамнис» - есть реминисценция, - подобно ей, узнавание ново, первично и неповторимо» [Янкелевич 1999: 18]. Реминисценция, узнавание – значит то, что это уже было, это уже есть и узнавание – лишь повторное подтверждение в существовании, как вторая жизнь (в случае реминисценции), только вторая, третья смерть – нет последней и узанной раз и навсегда.

Между анонимностью третьего лица и трагической субъективностью первого находится в некотором роде в привилегированной позиции факт второго лица. Ты – это непосредственно Другой, самый близкий Другой. Смерть близкого осмысливается почти как наша собственная.

Смерть ребенка или родителя – самых «непосредственных других других» стирает последнюю границу между смертью «первого лица» и «третьего лица», пройден барьер, разделяющий понятие смерти Другого и нашей смерти. Происходит своеобразное слияние опытов смерти (первого и третьего лиц), потому что «я» остается только одно: быть только лицом вторым или третьим для следующих поколений.

Янкелевич говорит о том, о чем до него никто не говорил: об опасности слияния опыта смерти Другого и с моим собственным. «Дистанция, разделяющая Я и Ты, представляет собой минимальное расстояние, без которого субъект поглотил бы объект, - расстояние, которое дает нам возможность проецировать объект познания» [Янкелевич 1999: 32]. Должно быть соприкосновение, но не совпадение, эта близость, но не идентичность (мой ребенок – только часть моей жизни, да, я живу только для него, но мое сердце бьется только для меня, также как и его сердце только для него) позволяет осмыслить смерть Другого как чужую смерть.

Наиболее точно об опасности слияния «Я» и «Другого», об абсолютной ненужности их тождества говорит М. Бахтин в работе «Эстетика словесного творчества»: «Чем обогатится событие, если я сольюсь с другим человеком: вместо двух станет один? Что мне от того, что другой сольется со мною? Он увидит и узнает только то, что я вижу и знаю, он только повторит в себе безысходность моей жизни; пусть он останется вне меня, ибо в этом своем положении он может видеть и знать, что я со своего места не вижу и не знаю, и может существенно обогатить событие моей жизни» [Бахтин 1986: 82].

Человек как природа интуитивно убедительно переживается только в другом, но не во мне. Целое моей жизни не имеет значимости в ценностном контексте моей жизни. События моего рождения, ценностного пребывания в мире и, наконец, моей смерти совершаются не во мне и не для меня. Эмоциональный вес моей жизни в ее целом не существует для меня самого. В моей жизни рождаются, проходят и умирают люди, и жизнь — смерть их часто является важнейшим событием моей жизни, определяющим ее содержание. Этого значения термины моей собственной жизни для меня же иметь не могут, содержанием жизни Других занимается моя жизнь - смерть.

Список использованной литературы

- Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки Богов. – М., 1990.
Красиков В. И. Явь беспокойства (предельные значения человеческого существования). – Кемерово, 1998.
Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Страх и трепет. – М., 1993.
Сартр Ж.- П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки Богов. – М., 1990.
Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М., 1993.
Янкелевич В. Смерть. - М., 1999.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»: СОВРЕМЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

Чернышева А. В.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

У читателя, открывшего этот сборник на данной странице, может возникнуть закономерный вопрос: чем вызван сегодня интерес к подобной проблеме, имеющей, на первый взгляд, вполне отвлеченный от насущных задач характер? Мы убеждены, однако, что заявленная нами тема актуальна и может вызвать интерес за пределами узкого научного сообщества.

Термины «культура» и «цивилизация» сопровождают нас повсеместно: они звучат с экранов телевизоров, встречаются в прессе и на радио; люди используют их в повседневной жизни, чаще всего не задумываясь об их правильном употреблении. В сознании большинства они сосуществуют неразрывно, подменяют друг друга и не имеют серьезных отличий, хотя за каждым из них стоит целая «галактика», обладающая своей собственной структурой и смысловой наполненностью.

На наш взгляд, есть вполне серьезные причины для того, чтобы вновь обратиться к этой теме на рубеже веков. Проведем, однако, необходимый для формулирования современной позиции, исторический экскурс.

Само понятие «цивилизация» было введено в научный обиход просветителями XVIII века для обозначения высокоразвитого в культурном отношении, основанного на государственно-правовых, разумных и справедливых началах общества. Такое общество противопоставлялось патриархальным, родоплеменным отношениям, присущим народам древности.

В XIX веке слово «цивилизация», сохраняя свое первоначальное значение, стало приобретать дополнительные оттенки и служить инструментарием для различных исследований. Так, английский поэт и философ С. Кольридж считал, что следует четко различать, а в случае необходимости и противопоставлять, культуру и цивилизацию. По его мнению, цивилизация без культуры дезинтегрирует и даже развращает общество, в то время как культура обеспечивает его гармоническое развитие. Поэтому следует «обучать» людей культуре и таким образом гуманизировать «механизированное» общество.

Особый интерес к этой проблеме проявлял и другой английский исследователь М. Арнольд. В работе «Культура и анархия» критикуя насквозь материальную цивилизацию современного ему общества, он видит корни социального зла не только в развивающейся быстрыми темпами индустриализации, но и в движении демократизации. Автор осуждает саму идею рационализации общественной жизни, усматривая в ней опасность вульгаризации традиционных духовных идеалов и ценностей.

В русской философской мысли рубежа XIX – XX веков проблему, что есть культура, и что есть цивилизация, было принято решать с точки зрения взаимодействия духа и материи, ибо культура рассматривалась как явление духа, действующее согласно закономерностям его энергетики, которая есть дух творческой деятельности человека, его естественное начало. В свою очередь, цивилизация, или попросту обустройство жизни человека во всех ее материальных и гражданских аспектах, представлялась как материальное, искусственно созданное воплощение этой действительности. Оба эти вида деятельности, казалось бы, так тесно связанные между собой, имеют различные источники возникновения и содержат в себе различный смысл своего существования и назначения. Искусственное принадлежит к области сделанного, а естественное воспроизводит условия существования невоспроизводимых вещей.

Один из идеологов славянофильства А.С. Хомяков считал, что людям, как правило, свойственно забывать, что они разместились в мире, в котором то, что строится должно иметь почтение к тому, что выросло. Для того чтобы что-то выросло (а это категория естественного плана), требуется мир, заполненный причинами. В этом мире нет ничего такого, чтобы не складывалось самодействием законов. Но люди не живут самодействием законов, а действуют сами. И рядом с ними появляются вещи, у которых нет причин. Вещи есть, а причин нет. Например, нет причин для того, чтобы были самолеты. Вернее, есть много причин для того, чтобы они не летали, а падали. Тем не менее, они летают. Но как? Искусственно. Своими действиями люди создают искусственный мир, в котором сами становятся искусственными, исказив себя и свою природу.

В русской культурологической традиции достаточно четко прослеживается связь между культурой и «творящими недрами космической Жизни». Именно космическое начало противостоит «хаосу-лжи-смерти-беспорядку-анархии-греху». Борьбе с хаосом служит только такая культура, которая ориентированна на культ, то есть на абсолютные ценности. Культура, – по утверждению П.А. Флоренского, – есть борьба с мировым уравниванием – смертью. Культура (от «культ») – это органически связанная система средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, которая принимается за безусловную и потому служит предметом веры. Вера определяет культ, а культ – миропонимание, из которого далее следует культура. В этом и других аналогичных определениях охвачены наиболее существенные особенности культуры как ярко выраженной категории духа.

Культура, как таковая, не существует без творчества, поскольку именно творчество является той энергетической сердцевиной, без которой самоорганизующаяся система не в состоянии продвигаться в своем развитии от простого к сложному.

Вторая составляющая данной антитезы – цивилизация есть обустройство жизни. Цивилизация – это не совокупности предметов, созданных людьми, а способ, которым приостанавливается естественное действие вещей. В течение истории человечества возникли и складывались различные типы цивилизаций. Их характер определялся прежде всего уровнем взаимодействия с культурой, поскольку сама цивилизация всегда возникала на энергетическом поле культуры. Во многих случаях ранние цивилизации, самые древние из них, создавались и развивались вместе с культурой и активно с ней взаимодействовали. Особенности этого взаимодействия определяли уровень дифференциации культуры и цивилизации, степень их взаимопроникновения и весомость доминанты каждой из этих категорий. Представляя, в отличие от культуры, смертную, преходящую материю человеческой жизни, цивилизации приходили и уходили, зарождались и умирали, в то время как вечный дух культуры, носителем которой является человечество в целом, оставался, проходя свои циклы развития через многие поколения.

Большинство русских мыслителей, имея в виду, прежде всего, цивилизацию XX века, писали о ней как о противоположности, «изнанке Культуры» (В.Ф. Эрн). Наиболее значительными в этом отношении являются исследования и выводы Н.А. Бердяева, противопоставлявшего органику и символичность культуры мертвящему техницизму, прагматизму и рационализму цивилизации. Справедливости ради отметим, что со второй половины XIX века актуальность приобрела и версия, учитывающая множественность отдельных разрозненных цивилизаций или локальных типов культурных сообществ. С этого времени проблема ставится совсем в другом ракурсе. Является ли в действительности культура мощнейшим всплеском духа? Можно ли говорить о том, что все формы культурного творчества разнозначны?

К началу XX века процесс разделения и даже противопоставления культуры и цивилизации, а, следовательно, и тех процессов и явлений, которые скрывались за этими понятиями, достиг своей кульминации и приобрел особую актуальность и остроту. В связи с этим можно выделить два главных направления в рассмотрении этой проблемы.

Одни исследователи видят различие между культурой и цивилизацией не в сфере их сравнения в качественном отношении или в возможности сравнительной оценки их культурного содержания, а в области антропологического разведения данных понятий и истолковании их с этнологических позиций. В этом смысле цивилизация рассматривается как совокупность культур регионального уровня. Так, например, цивилизация майя охватывает последовательность не просто нескольких этапов развития культуры, а нескольких культур, различных по содержанию, но единых по этносу. Таким образом, цивилизация определяется единством *носителя* культур, которые могут быть различными по времени и даже по содержанию. Подобный подход к пониманию цивилизации отражает взгляд на нее как на процесс эволюции культур в направлении к более сложным состояниям.

Другие же полагают, что различие между культурой и цивилизацией носит качественный характер. Под цивилизацией при таком подходе понимается в основном создание материально-технической базы, обеспечивающей дальнейшее развитие собственно культуры, повышение комфортности бытия. Такое понимание цивилизации связано с тем, что приоритет здесь отдается научно-техническому прогрессу, а не нравственному развитию, технологии, а не духовному совершенствованию. Оторванная от культуры цивилизация начинает формировать одностороннее материалистическое мышление, в котором верх берет голый прагматизм, уничтоживший последние остатки идеализма XIX века. Сам человек, его душа, чувства, его внутренняя сложная жизнь отгораживаются от общества, его новых ценностей и новых материалистических задач.

Таким образом, в различении культуры и цивилизации принимается в расчет *направление* экспансии человеческих усилий: если они ориентированы на преобразование окружающей среды, то это связывают с цивилизацией; если же усилия направлены внутрь, на самого человека, развитие его природы, его способностей и качеств, то это культура. В последнем случае усилия, даже если они направлены вовне, становятся, в конце концов, культурой, ибо оказываются реализацией возможностей культурного, развитого человека, который способен культурно опредметить свои силы и способности.

Понимание того, что является определяющим и что зависимым в соотношении культуры и цивилизации, определяет парадигму ценностей общества. Если культура подчинена цивилизации и обслуживает ее нужды, в обществе, как правило, происходит крен в сторону материальных ценностей и материального успеха; предпочтение отдается скорее науке, чем искусству; культура подменяется развлекательной индустрией, так называемой «массовой культурой», которая потакает низким чувствам и инстинктам человека; наблюдается определенное духовное оскудение, люди утрачивают контакт со своим внутренним миром, перестают прислушиваться к его языку и понимать его логику, и, в конце концов, забывают свою внутреннюю природу; сознание человека ориентируется на усвоение внешнего порядка вещей, в котором господствуют прагматизм и утилитаризм. Если же цивилизация служит культуре и способствует ее дальнейшему развитию, то в обществе возможна достаточная сбалансированность и гармония между материальными и духовными ценностями, что обеспечивает действительный, а не мнимый прогресс. Превалирование культурных ценностей над цивилизационными создает основу для правильного определения характера потребностей человека и общества, отделения действительных и исходных человеческих потребностей от мнимых и фиктивных. Цель культурного развития заставляет человека пересмотреть свои ориентиры в отношении к природе и самому себе, способствует реализации гуманистических представлений и ценностей, обращению к проблеме человека, а не к проблеме самоцельного развития производства, экономики, управления и т.п.

Итак, мы видим, что мыслители разных эпох пытались провести разграничение между культурой, понимаемой как истинное воспарение человеческого духа, и цивилизацией, т.е. рутинным воспроизведением застывших форм человеческой деятельности. Однако есть ли сегодня основания для различения культуры и цивилизации?

На наш взгляд, предполагаемое разделение культуры и цивилизации носит чисто умозрительный характер и основывается на различии, существующем между *материальной и нематериальной культурой*. При всей условности такого деления, тем не менее, можно сказать, что материальную культуру представляет все многообразие предметов и систем, характеризующих уровень развития производительных сил общества, а также присущие ему методы и способы производства. Сюда относятся: все, что касается производства средств потребления и рынка их сбыта, а также финансового обеспечения функционирования этого рынка; все предметы, удовлетворяющие исходные биологические потребности человека и повышающие уровень комфорта его жизни; коммуникации всех видов и строительные сооружения всех типов.

Таким образом, здание фабрики или консерватории, новую модель автомобиля или спортивной обуви, земледелие или компьютерное обеспечение производства мы, конечно, отнесем к материальной культуре, в то время как симфонический оркестр или театральный спектакль, религиозная служба или книга В. Пелевина или В. Сорокина (независимо от того, как мы к ней относимся) – это духовная культура. Однако усадьба Архангельское, здание Русского музея в Санкт-Петербурге или Собор Парижской Богоматери – это материальная или духовная культура? А картина П. Пикассо или И. Левитана, если она как материальный предмет числится за музеем и имеет определенную цену в тех или иных денежных знаках?

Чаще всего нам бывает трудно четко разделить в культурном объекте его материальное бытие и ценность, которую он представляет для отдельного человека или целого общества. Если бы вдруг не стало человека, то все галереи и музеи оказались бы лишь хранилищем материальных предметов – холстов со слоем краски на них; мрамора, бронзы, гипса, так или иначе обработанных тем или иным инструментом; построек из какого-либо материала (гранита, кирпича, дерева), сооруженных с использованием определенных орудий труда.

Ценность вещи определяется не только тем, что она способна удовлетворить ту или иную потребность человека, но и тем, что в ней опредмечен его труд, его творчество, его дух. Ценность возникает за предметным бытием вещи и связана с тем, какое значение мы этой вещи придаем, и какое содержание в нее вкладываем. Таким образом, различие между материальной и нематериальной культурой, а, следовательно, и между культурой и цивилизацией не столь прямолинейно и очевидно, как это виделось исследователям прошлого. В известной мере оно носит условный, чисто умозрительный характер и связано с тем, какого рода потребность – материальную или нематериальную – удовлетворяет та или иная вещь, к какой сфере человеческого бытия она имеет отношение в первую очередь.

На сегодняшний день культура и цивилизация, преодолевая серьезные кризисные явления, сопровождающие, как правило, любой распад старой и становление новой системы, выходят на путь неизбежного сближения, способного привести их в состояние некоего единства, соответствующее магистральному направлению целостного эволюционного развития. В конечном счете, целью эволюции нашего человеческого мира является сближение материального и духовного начала, достижение гармонии между ними на определенном этапе развития, и, наконец, синтез духа и материи, который изменит смысл цивилизации, одухотворит ее и превратит культуру и цивилизацию в целостное явление, но действующее уже на более высоком уровне, нежели в своем изначальном варианте.

РУБЕЖ ВЕКОВ В МЕМУАРНО-ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ МИРИСКУСНИКОВ

Чистякова Э. Э.

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

Рубеж веков (конец XIX-начало XX) – время сложнейших сдвигов, глубокого кризиса, меняющего сознание человека. «Ощущение нарастающей дегуманизации», «неустойчивость», «изменчивость» и «текучесть» всех явлений бытия отмечают многие очевидцы переломной эпохи. В этих условиях большая часть русской интеллигенции видит спасение в искусстве, разрешающем, по их мнению, все противоречия и духовные конфликты. Не случайно все исследователи оценивают необыкновенную интенсивность духовной жизни и блестящий расцвет разных областей художественного творчества на рубеже веков. На небольшом отрезке времени сконцентрировались и отдельные яркие индивидуальности, и множество группировок и объединений, что объясняется еще одной приметой времени – активной «кружковой» работой. Среди сложившихся объединений в рамках академического направления (Петербургское общество художников, Общество русских акварелистов) и вне его («Голубая роза», «Бубновый валет», «Ослиный хвост») наиболее значительным является «Мир искусства».

Само название группы и издаваемого одноименного журнала – «Мир искусства» – уже указывает на одну из основных задач, выдвинутых организаторами (А.Бенуа, С.Дягилев и другие): «охватить все области художественной культуры в России и Европе ... независимо от того, к какому направлению или времени принадлежат наиболее выдающиеся произведения этих искусств» [Гусарова 1978: 24]. «Мир искусства» просуществовал с перерывами с 1898 по 1924 год, неизменно объединяя в своих рядах ведущих деятелей культуры: художников, литераторов, музыкантов, театральных деятелей, меценатов и художественных критиков. Анализ художественного творчества, мировоззрению и театральной деятельности мирискусников посвящены работы Д.Сарабьянова, М.Неклюдовой, Г.Стернина, Г.Чугунова, М.Эткинда, однако сами источники – мемуары очевидцев часто остаются вне исследования. Мемуарно-эпистолярное наследие («Мои воспоминания» А.Бенуа, «Воспоминания» М. Добужинского, «Автобиографические записки» А.Остроумовой-Лебедевой, воспоминания К.Коровина, И.Грабаря, а также переписка С.Дягилева, А.Бенуа, К.Сомова и другие) – своеобразная энциклопедия художественной культуры, отразившая важные с точки зрения понимания ключевых моментов истории процессы. Мемуары (дневники, письма, записные книжки, воспоминания) – особый жанр литературы, обладающий рядом специфических черт: субъективностью, односторонностью, избирательностью информации. Однако авторы этих разнообразных по стилю, объему, языку произведений – редкие дарования, многогранные и яркие личности, тонко чувствующие эпоху, знающие и понимающие пути развития культуры. Их воспоминания позволяют взглянуть на процессы, происходящие в искусстве и культуре изнутри, увидеть рубеж веков во всей его сложности, противоречивости и многоплановости. «На протяжении всей своей жизни я соорудил памятник русской культуре, притом чисто бытового и интимного характера», – писал А. Бенуа о своих дневниках и переписке. Написание мемуаров стало органичным выводом из настойчивого желания деятельных участников художественной жизни рубежа веков определить свою позицию, рассказать о себе и своем времени. Была и сугубо психологическая причина – ностальгия, не только по родине, но и по утраченному вообще: времени, богатому событиями и делами, ценностям, художественным и духовным, людям, близким по духу и родным. Таким образом, создание мемуарной литературы стало велением времени, которое не могло не